

Пишем сочинения по

сборнику повестей

Н.В. Гоголя

"Миргород"

"Старосветские помещики"

"Шарас Бульба"

"Вий"

"Повесть о том, как поссорился

Иван Иванович

с Иваном Никифоровичем"

Пишем сочинения
по сборнику повестей Н.В. Гоголя
«Миргород»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Грамотей

Содержание

Вступление	4
Идея повестей	7
Язык повестей	8
Принцип реализма	10
«Вий»	10
«Старосветские помещики»	13
«Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»	22
«ТАРАС БУЛЬБА»	28
Вступление	28
Исторический предпосылки написания повести	32
Идейный смысл повести	34
Язык повести	36
Тарас Бульба	38
Дети Тараса	50
Жена Бульбы	61
Типы Запорожцев из Сечи	62
Устройство и быт Сечи	67
Историческая и художественная сторона повести	72
Заключение	76

Вступление

Сборник «Миргород» появился в 1835 г. Он состоит из двух частей, в которых находятся четыре повести Гоголя: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Повести «Вий» и «Тарас Бульба» гораздо ближе стоят к «Вечерам» и в известном отношении служат их продолжением. Аполлон Григорьев, упомянув о «Вечерах», переходит к «Миргороду» следующими словами: «Но недолго любовался поэт этим бытом (малороссийским), радовался беспечной радостью художника, воссоздавая этот быт; он кончил его апофеоз великой эпопеею о Тарасе Бульбе и дивной легендой о Вие, где вся природа его страны говорит с ним шелестом трав и листьев в прозрачную летнюю ночь, и где между тем в тоске безысходной, в замирании сердца мчащегося с ведьмой по бесконечной степи философа Хомя Брута слышится тоска самого поэта и невольно переходит на читателя».

Другие рассказы «Миргорода» — «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» существенно отличаются от «Вия» и «Тараса Бульбы». Характеры персонажей по своим размерам и силе не только не превышают реального человека, напротив — выбираются самые маленькие, самые невзрачные; события не только не поражают своей грандиозностью, — они такие же маленькие и серенькие, как и сами действующие лица. Да и настроение автора, и тон рассказов совершенно другой. Это — не веселый, беспечный тон «Вечеров», не приподнятый, торжественный тон «Тараса Бульбы», это грустный тон раздумья над жизнью, которое невольно охватывает человека при виде такой бедной, лишенной маломальски разумного содержания, жизни, как в «Старосветских помещиках» и такой же бедной и мутной жизни героев «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». «Скучно на этом свете, господа» — такими словами кончает Гоголь вторую повесть.

Здесь Гоголь уже не воспевает свою родину, и, несмотря на то, что дело происходит еще в Малороссии, анализирует жизнь. Здесь уже виден тот «смех сквозь слезы», который так мощно развернулся в других произведениях Гоголя.

А. Новиков

В состав сборника, вышедшего из печати в 1835 году под общим заглавием «Миргород», вошли четыре произведения: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Общий их тон и содержание характеризуются преобладанием бытового элемента и грустным настро-

ением. Вместе с тем, резко выступает и мистицизм автора, который в «Вие» доходит уже до очень значительных размеров. В этом сборнике отсутствует веселый, добродушный смех, светлый юмор и юный задор, а вместо них появляется смех сквозь горькие слезы, который в некоторых произведениях немножко уменьшается, но тогда усиливается мистическое настроение, в других, напротив, занимает главное место.

«Тарас Бульба» и «Вий» принадлежат к числу тех, где разыгрывается религиозный мистицизм автора; в «Старосветских помещиках» и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» преобладает бытовой элемент и явственно звучит смех сквозь слезы при виде мелочности и пошлости окружающей жизни, духовного убожества и даже духовной нищеты окружающих людей.

Характерную черту первой группы составляет исторический элемент, второй — быт, и здесь чувствуются уже горькие нотки разочарования и горького смеха. Совершив летом 1832 года поездку домой в Малороссию, Гоголь был поражен разницей, какую он заметил в ее обитателях и их жизни сравнительно с тем, как все это представлялось ему раньше из далекого Петербурга. Прежде все представлялось ему домашним, более светлым и симпатичным; теперь он видел в жизни родного общества ту же тину и пошлость, какую видел и в Петербурге и вообще во всей почти русской жизни тридцатых годов XIX столетия. У Гоголя появилось некоторое разочарование и вместе с ним грустное настроение. Прежний добродушный и веселый юмор сменился горьким сознанием, что все на свете ничтожно и пусто и вызвал у Гоголя горькую усмешку. Все это и отразилось в творчестве Гоголя в промежуток времени от поездки его до выхода в свет «Миргорода».

В это время в Гоголе впервые проявилась та характерная способность, о которой он сам в начале 7-ой главы «Мертвых душ» заметил, что она дает ему возможность, «вызывать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров».

Б. Майков

Рассматривая творчество Гоголя по этапам, очень важно показать закономерность перехода писателя от цикла преимущественно романтических повестей «Вечеров» к циклу преимущественно реалистических повестей «Миргорода».

В 1835 г. Гоголь издает сразу 2 цикла своих произведений: «Миргород, повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Арабески. Разные сочинения».

В сборник «Миргород» вошли повести: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Подзаголовок: «Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки» указывает на преемственность между первым и вторым циклами произведений Гоголя. Своеобразным мостом между ними является повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», включенная во вторую книгу «Вечеров». В ней уже даны реалистические картины действительности, типичные образы помещиков-крепостников, изображаемых в сатирическом плане.

Включение реалистической повести в романтический цикл не было случайным. Гоголь тяготел к обличению пошлой жизни современного ему общества. Уже в первом рассказе «Вечеров» — «Сорочинской ярмарке» отчетливо слышатся нотки грусти, которые несомненно являются следствием раздумья поэта над несоответствием нарисованной картины радостной безмятежной жизни и современного общественного бытия.

«Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так ли резвые други бурной и вольной юности, поодиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их. Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему», — читаем мы в повести.

Идея несоответствия разумного бытия человека и современной писателю общественной жизни проводится и в цикле «Миргород», построенном по принципу антитезы. Героям «Старосветских помещиков» и «Ссоры», паразитам-помещикам, потерявшим человеческий облик, отравляющим своим существованием здоровую атмосферу жизни, писатель противопоставляет людей нормы, настоящих героев, нарисованных им в «Тарасе Бульбе». «Как две полярности одной и той же силы, как две противоположные крайности одной и той же идеи — идеи действительности, мы представили «Тараса Бульбу» и «Ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», — писал Белинский.

М. Мальцев

Знакомство и дальнейшая дружба с Пушкиным воодушевили Гоголя с удвоенной силой, с изумительной охотой приняться за литературную деятельность. В четыре года, с 1832 до 1836, он написал целый ряд замечательных произведений, в том числе и сборник «Миргород», который явился продолжением «Вечеров на хуторе». В этот сборник вошли повести: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть

о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Громадное напряжение сил проявил Гоголь в этот период. Его жизненный опыт неизмеримо расширился. Петербург, трудовая жизнь, новые встречи и знакомства обогатили его удивительно наблюдательный ум огромным запасом новых впечатлений, новых образов и мыслей, которые требовали для себя выражения в слове. От чудного мира юношеских грез пришлось обратиться к сухой и черствой житейской прозе. Переход этот произошел постепенно.

В сборнике «Миргород» уже нет веселого рассказчика, умеющего в живой картине представить поэтическую сторону народной жизни; здесь представлен серьезный и вдумчивый художник, у которого смех и слезы вытекают из глубокого понимания жизни и вследствие этого нередко так близко граничат между собою, что не знаешь, где кончается смех и где и начинаются слезы.

П. Первов

«Вий»

Навсегда разделавшись с обаянием своего края в «Вечерах», Гоголь в других повестях взглянул оком аналитика на действительность.

В «Вие» он в последний раз упоминает персонажей из «Вечеров» — чертей и ведьм. Так же, как и там, здесь переплетается легенда и жизнь. Но жизнь эта уже носит другой оттенок — на сцену выступают будни, и

эти будни лишены той идеализации, которая была в «Вечерах». Одной из таких картин, вполне реальных и необыкновенно типичных, является описание бурсы и бурсаков. В нескольких описаниях, в нескольких ярких сопоставлениях передан самый дух этой разнузданной «ученой» толпы, которой гораздо уместнее быть в Сечи, чем на ученической скамье. Ходят они в длинных сюртуках, которые простираются «по сие время»; пьют они и курят так, что не уступили бы любому запорожцу; устраивают между собой грандиозные бои; вечно голодные, промышленяют себе всякую снедь «комедиями», да и на руку охулки не кладут. Главный герой повести — Хома Брут — принадлежал к классу философии. Это был один из тех философов, которые говорят густым басом, карманы которых наполнены только крепкими табачными корешками, которые все, что ни попадается, съедают сразу же, от которых далеко разносится запах табака и которых бьют по рукам деревянными лопатками. Один из товарищей его, из числа риторов, тех риторов, которые говорят еще тенором, которые еще не имеют права пить горилки и курить люльки, но у которых всегда на лице было какое-нибудь «украшение, в виде риторического тропа: или один глаз уходил под самый нос, или вместо губы целый пузырь или какая-нибудь другая примесь; их секли розгами по пальцам».

Гоголь характеризует его в следующих словах: «Философ Хома Брут был нрава веселого, любил очень лежать и курить люльку; если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал трепака. Он часто пробовав крупного гороху, но совершенно с философским равнодушием говоря, что чему быть, того не миновать».

Белинский по поводу этого типа говорит: «Философ Хома — философ не по одному классу семинарии, но философ по духу, по характеру, по взгляду на жизнь... О, несравненный Dominus Хома! как ты велик в своем стоическом равнодушии ко всему земному, кроме горелки! Ты натерпелся горя и страха, ты чуть не попался в когти чертям, но ты все забываешь за широкой и глубокой ендовой, на дне которой сохранены твоя храбрость и твоя философия; ты на вопрос о виденных тобою страстях машешь рукою и говоришь: «Много на свете всякой дряни водится»; у тебя половина головы поседела в одну ночь, а ты оттапываешь трепака, да так, что добрые люди, смотря на тебя, плюют и восклицают: «Вот это так долго танцует человек!»

Другой был уже сам почтенный богослов. Богословы были совершенно солидные люди и били их уже не розгами или лопатками, а «отсыпалось им по мерке крупного гороха, что состояло в коротеньких кожаных канчуках». Картина очень живая и, во всяком случае, лишенная какой бы то ни было идеализации. Так же хороша и сцена в шинке, когда выпив-

шие казаки принимаются целоваться: «А ну, Спирид, почеломкаемся». «Иди сюда, Дорош, я обниму тебя!» Казак «с седыми усами, подставивши руки под щеку, начал рыдать от души о том, что у него нет ни отца, ни матери и что он остался одним — один на свете. Другой был большой резонер, и беспрестанно утешал его, говоря: «Не плачь; ей-Богу, не плачь, что же тут?.. Уже Бог знает, как и что такое!» Один казак преисполнился любознательности и во что бы то ни стало хотел узнать, чему обучают в бурсе. «Не спрашивай, — говорил протяжно резонер, — пусть его там будет, как было, Бог уже знает, как нужно, Бог все знает». Остается упомянуть то место, где говорится о кухне, этом клубе всей дворни богатого сотника, куда всякий заходил под возможным предлогом, чтобы полежать и выкурить люльку, и где говорилось обо всем: «и о том, кто пошил себе новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видел волка».

А. Новиков

Фантастический элемент в «Вие» тесно связан с идейным содержанием повести, которое устанавливается при сопоставлении с другими произведениями цикла: реалистическим «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Старосветским помещикам» с их отрицательными героями противостоит романтическая повесть «Тарас Бульба» с положительными идеальными героями. «Вий» занимает как бы срединное положение между этими двумя «полярностями». Герой этой повести Хома Брут несомненно имеет в себе некоторые качества, присущие героям «Тараса Бульбы» — физическую силу и красоту, бесстрашие и т. п., которые выделяют его из среды других людей. Но он не современник героев запорожской вольности, он живет в одну эпоху с героями «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — Довгочуном и Перерепенко, и гнусная действительность не дает развернуться героическим незаурядным свойствам его натуры.

В современной Гоголю жизни не было места героическим натурам. Неравная борьба с чертовщиной, в которую вступает герой повести, приводит его к гибели, несмотря на то, что он упорно сопротивляется этой черной силе и даже побеждает страшную ведьму. Тем самым Гоголь хотел сказать, что даже сильные героические натуры не могут вырваться из плена враждебных человеку сил современного общества, что они обречены на гибель или прозябание.

В образе Хома Брута эта мысль особенно ясно выражена. Уже в самом имени героя Гоголь подчеркивает трагизм его судьбы. Сочетание «Хома» и «Брут» не случайно, а сознательно дано писателем, чтобы этим приемом подчеркнуть основную мысль, вкладываемую им в свой

образ — о трагической несовместимости героического в человеке с его положением в современном обществе. Брут, как известно, — античный римский герой-республиканец, убивший Цезаря. И гоголевский герой, названный этим именем, несомненно ассоциирован с античным Брутом по наличию героических черт в его характере. Но в то же время он остается Хомой, т. е. недотепой [Хома — в украинском языке имеет значение «недотепа»].

Страшная фантастика «Вия» должна быть воспринята как один из приемов гоголевской сатиры на современный общественный строй.

М. Мальцев

«Старосветские помещики»

Герои повести «Старосветские помещики» — два старичка. Живут они тихо, так тихо, как только могут жить старички, во всем обеспеченные; а обеспечены они вполне, несмотря на то, что их обкрадывают приказчик, дворовые и все кому не лень: их благодарный уголок производит всего в такой мере, что на них хватает вполне и еще «с лихвой». Да и много ли им нужно? Нужно только, чтобы было что есть, а остальное все выходит за пределы их жизни. Зато в этой доступной им области они берут от жизни все, что только могут, и пользуются своей обеспеченностью вполне. Они не только любят вкусно и в свое удовольствие поесть, но в этом вся их жизнь, вся их радость. Интересы их никогда не перелетают за частокол, окружающий их дворик, а на дворике все интересы направлены к еде. В еде заключаются все их радости, а огорчения... огорчений у них и нет совсем. Пульхерия Ивановна, та хоть еще занимается хозяйством, у ней есть занятие, даже для нее, пожалуй, и очень важное; чего только ей не нужно сделать: варенье, желе, пастила, на меду и на сахаре; настойки на персиковых листьях, на черемуховом цвете, на золототысячнике, на вишневых косточках; массу всяких солений и сушений... Во всем этом Пульхерия Ивановна большая искусница, и делает она все это мастерски, но все-таки здесь могут быть маленькие неудачи, огорчения.

Афанасий Иванович лишен и этого разнообразия. Он изредка только поговорит с приказчиком о хозяйстве или съездит в поле посмотреть на работы. Это он делает не потому, чтобы интересовался своим хозяйством, а так, чтобы поболтать немножко. А поболтать он иногда любил, даже посмеяться над Пульхерией Ивановной. Правда, эти насмешки были самого невинного свойства, вроде сборов его на войну или пожара в доме, но они доставляли ему истинное удовольствие. Но все это было, между прочим, от нечего делать, в свободное время. Настоящее же занятие его была еда. Здесь Афанасий Иванович совершал необыкновенные подвиги.

Вставали они рано, и пили за столиком кофе. После кофе Афанасий Иванович шел прогуляться по саду и любил поговорить с приказчиком. «После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: — А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь? — Чего же бы теперь закусить, Афанасий Иванович? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых? — Пожалуй, хоть и рыжиков и пирожков, — отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками. За час до обеда Афанасий Иванович закусывал снова, выпивая старинную серебряную чарку водки, заедал грибами, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов... За обедом обыкновенно шел разговор о предметах, самых близких к обеду. — Мне кажется, будто это каша, — говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, — немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна? — Нет, Афанасий Иванович, вы положите побольше масла, тогда она не будет пригорелой, или вот возьмите этого соуса с грибами и подлейте к ней. — Пожалуй, — говорил Афанасий Иванович и подставлял свою тарелку, — попробуем, как оно будет».

Через часок после обеда Афанасий Иванович съедал с Пульхерией Ивановной арбуз и несколько груш, затем после небольшой прогулки по саду Афанасий Иванович съедал еще вареников с ягодами и кисельку. Затем он успевал еще разок закусить, а в половине десятого они садились ужинать. Ночью «иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стоял. Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала: — Чего вы стонете, Афанасий Иванович? — Бог его знает, Пульхерия Ивановна; как будто немного живот болит, — говорил Афанасий Иванович. — А не лучше ли чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович? — Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна. Впрочем, чего же бы такого съесть? — Кисленького молочка или жиденького узвара с сушеными грушами. — Пожалуй, разве так только, попробовать» — говорил Афанасий Иванович. Сонная девка отправлялась рыться по шкафам, Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего он обыкновенно говорил: «Теперь так как будто легче».

Если прибавить ко всему этому их необыкновенное радушие к гостям и бесконечную доброту их лиц, то вот и вся их жизнь. «Жизнь их... так тиха, — говорит Гоголь, — так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсть, желанья и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении». Да, более мирную жизнь трудно представить. Это не жизнь человеческая, но и не жизнь животная, — зачем обижать милых старичков таким грубым определением, да оно и не к лицу: жизнь животного все же шире и богаче — оно должно вести активную борьбу за суще-

ствование, бороться с опасностями. Жизнь этих старичков — это жизнь растения, совершенно пассивная, не знающая желаний и забот. Если и было в них что-нибудь присущее человеку, так это их взаимная привязанность; привязанность, основанная на привычке. Когда-то их жизнь не была так однообразна и они истинно любили друг друга. Афанасий Иванович даже увез Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели выдать за него. Но все это с течением времени было позабыто, во всяком случае, никогда не вспоминалось об этом. Живая любовь уже выветрилась и осталась одна привычка. Но привычка друг к другу у Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны была так сильна, что они совершенно не могли существовать друг без друга. При том микроскопическом горизонте, который им был доступен, все их внимание было обращено друг к другу. Они наполняли жизнь и вполне заменяли весь мир один другому. Не удивительно поэтому, что, когда умерла Пульхерия Ивановна, Афанасий Иванович был совершенно выбит из колеи и уже никогда не мог попасть в нее. В Пульхерии Ивановне он потерял не друга жизни, даже не цель жизни, — он потерял самую форму жизни, единственно ему доступную. В его сознании и жизни появился такой пробел, которого он уже никак не мог заполнить. Он в полумладенческом состоянии еще влачил пять лет, но эта жизнь была лишена уже и того небогатого содержания, какое было при Пульхерии Ивановне, и продолжалась чисто механически. Наконец он умирает, так же тихо и безропотно, как и Пульхерия Ивановна.

Читая повесть, мы невольно проникаемся любовью и сочувствием к ее героям. Мы смеемся, но добродушно смеемся; мы горюем о тихой кончине старичков. Мы вместе с автором чувствуем какое-то умиление при виде их и самую теплую нежность к ним. Но, несмотря на это, вряд ли кто-нибудь хотел походить на Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну.

А. Новиков

«Старосветские помещики» отличаются своим содержанием и языком; ближе, чем ко всем остальным рассказам «Вечеров» и «Миргорода», они стоят к «Ивану Федоровичу Шпоньке и его тетушке» и к «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Сходство в этих трех рассказах заключается, во-первых, в самом сюжете, который взят автором из жизни мелкопоместных дворян Украины, во-вторых, в более или менее одинаковом тоне изложения и языке и, в-третьих, наконец, в цели, которую автор имел в виду при создании этих рассказов.

Цель их состоит в том, чтобы представить во всей полноте пошлость обыденной жизни, которой живут миллионы людей, отсутствие в ней тех

элементов, которые делают ее похожей на жизнь человеческую. Обилие жизненных мелочей, сплошная проза, отсутствие всяких духовных здоровых интересов — вот то, чем наполнены эти рассказы. Нравственное и умственное убожество героев в них доходит до такой даже степени, что в обыкновенных жизненных явлениях, которые приходится всем и каждому встречать почти на каждом шагу, — они теряются, не знают, что предпринять, и дело кончается их же собственной невыгодой или гибелью. Цель эта выразилась в названных трех рассказах не с одинаковой рельефностью; в одном яснее и определеннее, в другом слабее. Так, например, в рассказе «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» цель эта не формулирована автором ясно, но это, быть может, произошло вследствие того, что рассказ остался неоконченным. В «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» она ясно сформулирована в последних строках, добавленных от лица автора: «Я вздохнул еще глубже и поскорее поспешил проститься, потому что я ехал по весьма важному делу, — и сел в кибитку. Тощие лошади, известные в Миргороде под именем курьерских, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися в серую массу грязи, неприятный для слуха звук. Дождь лил ливнем на жиду, сидевшего на козлах и накрывшегося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо. Скучно на этом свете, господа!» Заключительные слова доказывают, что автор имел в виду представить всю серенькую, без просвета, без единого солнечного луча, которого жаждет все живое и разумное, скучную, однообразную жизнь большинства людей. Описав ее, он не мог, разумеется, не воскликнуть: «Скучно на этом свете господа!»

Такая же идея заключается и в рассказе «Старосветские помещики». В нем автор со всеми мельчайшими подробностями рисует картину идиллической жизни мелкопоместных дворян, старичков Товстогубов — Афанасия Ивановича и супруги его Пульхерии Ивановны.

Вся жизнь добродушных и симпатичных старичков состояла из одних мелочей; Гоголь подробно останавливается на этих мелочах, начиная с описания домика, хозяйства старичков и кончая их привычками, образом жизни и смертью. Ничего другого, кроме описания этих мелочей, автор и не мог дать в рассказе, так как ничего иного и не было в жизни Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Весь рассказ соткан из мелочей и различных подробностей, но они подобраны так ловко, что вся жизнь стариков и они сами стоят живыми перед читателем. По одному уже описанию внешней стороны жилища старичков можно

представить их характер и привычки. От амбара до кухни и от кухни до барских комнат была протоптана узенькая дорожка, свидетельствующая о том, что чаще всего приходилось ходить из амбара, где хранились всякие припасы, в кухню, где готовились всякие блюда к барскому столу, а из кухни в комнаты, где все принесенное и поедалось. Действительно, все интересы старичков сосредоточивались почти исключительно на еде, да на том, что имеет прямое отношение к ней, т. е. на различных приготовлениях на зиму к столу. Так как это дело чисто женское, то им и занималась с увлечением Пульхерия Ивановна, а Афанасий Иванович, как мужчина, был лишен этого занятия. Он садился на скамеечку, под навесом, обращенным ко двору, глядел, как кладовая постоянно показывала и закрывала свою внутренность, и девки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого съестного дрязгу в деревянных ящиках, решетях, ночевках и в прочих фруктохранилищах.

Если Афанасий Иванович не принимал никакого участия в приготовлениях, то в поедании всего этого главная роль принадлежала ему. Он так любил покушать, что часто вставал даже ночью и принимался за кислое молоко или за какой-нибудь жиденский узвар с сушеными грушами. Все у Афанасия Ивановича было направлено на еду и питье и постепенно потребности духа настолько у него заглохли, что жизнь его стала чисто растительной; то же самое можно сказать и про Пульхерию Ивановну, оттого-то старички никогда не сердились, не радовались и не горевали, жизнь их текла ровно и спокойно; спокойствие их духа ничто не могло возмутить, так как последний у них замер, нужны были особые условия, чтобы присутствие духа проявилось в Афанасии Ивановиче. Если время было ясное и в комнатах было тепло натоплено, душа его пробуждалась, и это пробуждение выражалось в очень оригинальной форме: он любил тогда подшутить над своей супругой и слегка попугать ее, а когда это ему удавалось, он довольный улыбался, сидя на своем стуле.

Все внимание старичков сосредоточивалось на хозяйстве, но и тут они видели и заботились о мелочах, тогда как существенные стороны хозяйства упускали из виду. Дела по имению были запущены невероятно; староста и приказчик обкрадывали их безжалостно, как только могли: вырубили, например, чудную дубовую рощу, приводя в свое оправдание такие доводы: «И громом побил, и черви проточили».

Неумение хозяйничать привело бы их к полному разорению, но благодатная земля Украины рождала всего так много, а старички были так нетребовательны, что не чувствовали ни в чем недостатка, а дух их тем временем умирал и глох и, наконец, старички до такой степени сузили сферу своих потребностей, что совершенно приблизились к жизни растительной, т. е. потеряли характер жизни разумного существа, хоть и сохра-

нили такой характер с внешней стороны: старички кушали, спали, разговаривали, шутили, но никакой цели в их существовании не было; они жили, потому, что жилось, а между тем несчастье и смерть незаметно подстерегали старичков. Самого незначительного случая, прямо глупого пустяка достаточно было, чтобы разрушить их безоблачное счастье. Глупая пропалка серенькой кошечки, коварный поступок ее относительно Пульхерии Ивановны вывели душу ее из равновесия. Старушка уже не могла возвратить утерянное спокойствие, и результатом этого была ее смерть. Афанасий Иванович после ее смерти влачил самое жалкое существование, уже совершенно близкое к существованию неразумного существа.

Прошло пять лет, и ничтожного повода, который лежал в самом Афанасии Ивановиче, а не вне его, было достаточно, чтобы свести его в могилу; ему показалось, что чей-то голос назвал его по имени. Афанасий Иванович вообразил, что это душа Пульхерии Ивановны пришла с того света и зовет его. Он распорядился, чтобы его похоронили возле Пульхерии Ивановны и умер. После смерти старичков дела по имению пошли еще хуже: мужики распяньствовались и большею частью числились в бегах, избы развалились совершенно, и все пришло в полный упадок; это произошло вследствие отсутствия присмотра и опеки со стороны Афанасия Ивановича. Вот какие результаты принесла безоблачная жизнь добродушных старичков, «желания которых не перелетали за частокол их дворика».

Однако при чтении рассказа не сразу бросается в глаза отрицательная сторона этой жизни; сначала кажется, что все обстоит благополучно, что ничего темного не было в повести. Старички и вся их обстановка кажутся чрезвычайно симпатичными. В Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне действительно были многие симпатичные черты, которыми и прикрыта вся мелочность их жизни, вся бесцельность их существования. Простота, нетребовательность, добродушие и гостеприимство, самое теплое и располагающее гостя к долгому пребыванию в их доме, были отличительными чертами обоих стариков и делали их неотразимо симпатичными. Особенно трогательное впечатление производит беззаветная, чисто голубиная любовь стариков друг к другу; они живут мыслью друг о друге. Умирая, Пульхерия Ивановна не перестает заботиться о своем супруге; она заклинает ключницу Явдоху смотреть за паном и угождать ему. В своих предсмертных заботах и распоряжениях она доходит до самых последних мелочей; она не думала о том, что ей предстоит в скором времени предстать пред престолом Всевышнего и дать отчет за всю свою жизнь; она думала, как останется несчастный Афанасий Иванович без нее, и что он будет делать.

Точно так же и Афанасий Иванович, умирая, думал о своей покой-

ной жене. Разлученный ее смертью на целые пять лет, он все время не переставал вспоминать о своей Пульхерии Ивановне и, вспоминая, заливался горькими слезами.

Эти общечеловеческие черты в значительной степени примиряют с образом жизни «Старосветских помещиков»; не чувствуется отвращения к пустой, лишенной всякого живого дела и интереса жизни старичков, невольно возникает сочувствие к осиротевшему Афанасию Ивановичу, и лишь спустя некоторое время появляется осознание истинного смысла рассказа.

Б. Майков

В «Старосветских помещиках» Гоголь высмеял ничтожную животную жизнь обитателей помещичьих гнезд, сводившуюся только к физиологическим отправлениям. Гоголь разоблачает нелепую бессмысленность такой жизни, «где ни одно желание не перелетает за частокол двора». Тоской по подлинной, здоровой общественной жизни людей проникнута вся повесть. Изображая «добрых старичков», никчемных существователей Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну, их умственный идиотизм, обжорство, кулинарные интересы, которые возобладали над всеми прочими человеческими потребностями, писатель всем существом подлинного гуманиста протестует против того общественного строя, который калечит, уродует человека. Животный процесс поглотил человека в условиях паразитического образа жизни — вот центральная мысль «Старосветских помещиков».

В повести Гоголь до конца отрицает бессмысленную жизнь людей. И теплота, которой, кажется, овеяно повествование о жизни «добрых старичков» — горькая насмешка над ними, которую не заметить нельзя.

Анализируя повесть «Старосветские помещики», стоит указать на двойственное отношение Гоголя к своим героям: с одной стороны, беспощадное разоблачение их пошлости и уродливости, с другой стороны, чувствуется участие к ним. В этом, однако, нет противоречия, которое обнаруживали в повести Гоголя некоторые критики, объясняя его стремлением писателя опоэтизировать никчемную жизнь представителей своего класса. Смысл двойственного отношения Гоголя к своим героям кроется в его гуманизме, во взглядах на человека, на его положение в конкретных социально-исторических условиях. И в этом заключена основная идея повести.

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна — люди как люди, а не скоты и полудиоты от рождения, какими они кажутся на первый взгляд. Даже сквозь беспросветную атмосферу пошлости, мелочности и скуки их существования можно обнаружить в них хорошие человеческие каче-

ства — гостеприимство, бескорыстие, сердечность, преданную любовь. Поэтому «Старосветские помещики» представляются нам не только произведением, резко обличающим паразитизм «небокопитателей», «про-рех на человечестве», они являются вместе с тем и глубоким раздумьем писателя над вопросами современной жизни, над причинами этой страшной пустоты человеческого существования. Именно с этим раздумьем связан лиризм повести. Гоголь с поразительной силой таланта показал, как опшляются, гибнут люди в условиях уродливой жизни современно-го общества. По словам Белинского, Гоголь «в пошлой и нелепой жизни нашел человеческое чувство». Афанасий Иванович и Пульхерия Ива-новна — это золотые люди по своим душевным свойствам. И писателю глубоко симпатичны лучшие качества его героев. «Эти добрые люди, — читаем мы в повести, — можно сказать, жили для гостей. Все, что у них ни было лучшего, все это выносилось. Они наперерыв старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство. Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистоты, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ».

«Старосветские помещики» — не только яркое обличительное, сати-рическое произведение, но и лирическая повесть о любви. Вот почему еще Пушкин тонко подметил, что повесть заставляет «смеяться сквозь слезы грусти и умиления». А Н.В. Станкевич в письме к одному из своих друзей писал: «Прочел одну повесть из Гоголева «Миргорода» — это прелесть! («Старомодные помещики», так, кажется, она названа). Прочти! Как здесь схвачено прекрасное чувство человеческое в пустой, ничтожной жизни». Именно благородное чувство преданной любви, которое пробилось через всепоглощающую пошлость обывательской жизни, заставило Станкевича так высоко оценить эту повесть, назвать ее «прелестью».

Такое же впечатление оказала повесть и на Белинского, который, прочитав ее, воскликнул: «О бедное человечество! жалкая жизнь! И од-нако ж вам все-таки жаль Афанасия Ивановича и Пульхерии Иванов-ны! Вы плачете о них, о них, которые только пили и ели и потом умерли! О, г. Гоголь истинный чародей, и вы не можете представить, как я сер-дит на него за то, что он меня чуть не заставил плакать о них...».

Не «жалкую жизнь» заставляет пожалеть Гоголь, а человека в его трагическом положении: лучшие человеческие качества оказались зарыты спудом скудного низменного существования.

С негодованием и скорбью изображает Гоголь современную ему Россию, в которой скрыта, задавлена могучая сила «бойкого народа»,

изображает никчемность человеческих характеров, ложь общественных отношений.

Величайшая грусть о человеке, «незримые слезы» и разящий смех сатиры — вот чем характеризуется гоголевский гуманизм.

Подходя к анализу «Старосветских помещиков» с этой стороны, Белинский замечательно раскрывает источник авторского лиризма, которым проникнута повесть. Он кроется не в попытке идеализации патриархальной помещичьей жизни, а в глубоком гуманизме писателя, в его раздумье о судьбе человека, прекрасные качества которого не могут развернуться, глухнут в условиях бессмысленного паразитического существования.

«Отчего же так привязывают вас к себе эти люди, добродушные, но ограниченные, даже и не подозревающие, что может существовать сфера жизни, высшая той, в которой они живут и которая вся состоит в спанье или в потчеваньи и кушании? Оттого, что это были люди, по своей натуре неспособные ни к какому злу, до того добрые, что всякого готовы были угостить насмерть, люди, которые до того жили один в другом, что смерть одного была смертью для другого», «оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни, нашел человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героев!...»

М. Мальцев

Старосветские помещики Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна всю жизнь свою только и знают, что едят, спят, угощают, придумывают кушанья, делают запасы, объедаются, отдыхают и снова принимаются за то же. Мирно и безмятежно проводят они свою жизнь; добрые, просто-сердечные, радушные, они не знают ни страстей, ни желаний. Ни одно их желание не перелетало за частокол, окружающий небольшой их дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербою, бузиною и грушами. Даровой труд крепостных, обилие плодов земных, деревенская дешевизна давали им полную возможность жить покойно, уютно и счастливо. С улыбайкой воспринимаются их бесконечные заботы о наливках, сушеньях, соленьях, их навязчивое гостеприимство, их наивные беседы про турку и разбойников. Мягко и ласково относится к ним автор. Но прочитавши повесть, делается грустно от сознания того, как легко разрушилось счастье старичков, причиной чему была пустота и неподвижность их жизни. Ограничивать все свои стремления заботами о еде и питье, о наливках и соленьях — значит принижать человеческую природу; нельзя пренебрегать высшими потребностями человеческого духа, иначе будешь прозябать подобно растению, иначе жизнь пройдет без пользы и следа.

Любовно описывая жизнь счастливой четы, забавно высмеивая их мелочные заботы, Гоголь в то же время грустит: сквозь смех слышатся слезы. Автор осуждает эту пошлую мелочь жизни, он скорбит об отсутствии высоких помыслов благородных целей, плодотворной деятельности на пользу ближнего. Это забавное изображение жизни, ведущее к грустным размышлениям, и называется в литературе юмором.

В русской литературе Гоголь был основателем юмористического направления. После него целый ряд других писателей продолжали его дело: они тоже забавно изображали пошлость и мелочность жизни, чтобы тем самым навести на размышления о лучшем, чтобы побудить к умственному и нравственному самосовершенствованию. За юмором скрывается глубокое чувство скорби, происходящее от любви к людям. Юмор берет для себя предметы из самой обыденной жизни простого человека; из этого материала поэт силою таланта и любящего сердца создает свои художественные образы, и в этих живых образах доводит до понимания того, как и отчего люди стали мелочными и пошлыми. Таков и Гоголь в своих повестях и комедиях.

П. Первов

«Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

Герои этой повести Гоголя уважаемые Иван Иванович и Иван Никифорович не возбуждают к себе сочувствия среди читателей. Их жизнь лишена даже той привязанности, которая соединяет Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну. Жизнь их уже совершенно погрязла в самых мелких заботах о своей персоне, — заботах, вертящихся вокруг еды, приятного прохладения под навесом или в воде «по горло» и других подобных этим самым непосредственных физиологических переживаниям. Их даже нельзя назвать эгоистами. Как, в самом деле, животное упрекать в эгоизме? А дальше животных потребностей они не идут. «Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю Бог знает что, если у кого-либо найдутся такие!.. Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда сделается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом, и глядит, что делается во дворе и на улице... Прекрасный человек Иван Иванович. Он очень любит дыни; это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни, и уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и сам собствен-

ною рукою сделает надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «участвовал такой-то»... «Иван Никифорович лежит весь день на крыльце — если не слишком жаркий день, то, обыкновенно выставив спину на солнце, — и никуда не хочет идти. Если вздумается утром, то пройдет по двору, осмотрит хозяйство и опять на покой... Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе».

«Скажите, Бога ради, можно ли язвительней, злобней и вместе с тем добродушней и любезней надругаться над бедным человечеством?» — восклицает по этому поводу Белинский.

Однако не все смотрят на житье Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, как на какую-то пародию на человеческую жизнь. Они оба очень уважаемые обыватели города Миргорода, и уважают их не за что иное, а именно за красивую бекешу и за обширный дом. Если же они ничего не делают и только умеют подставлять свою спину под солнце, то репутация их совсем упрочена.

Не велики требования, предъявляемые к человеку жителями Миргорода. И Иван Иванович с Иваном Никифоровичем так и проводят жизнь в еде дынь под навесом, в питье чая в воде; долго живут так, ничем не нарушая однообразия своей жизни. Иван Никифорович так совсем и сжился со своим горизонтальным положением. Иван Иванович несколько подвижнее. В противоположность Ивану Никифоровичу, Иван Иванович худощав, а известно, что худощавые всегда более склонны к движению, чем толстяки. Отсюда их существенное различие; в то время как Иван Никифорович «лежит весь день на крыльце», Иван Иванович «только после обеда лежит в одной рубашке под навесом; ввечеру же надевает бекешу и идет куда-нибудь, или в магазин, куда он поставляет муку, или в поле — ловить перепелов». Иван Никифорович никуда не выползает из дому; Иван Иванович заходит иногда или к нему, или к судье, или городничему выпить рюмку водки. Но все это различие, вытекающее из комплекции героев, чисто внешнее. Большая подвижность Ивана Ивановича отнюдь не способствует большей внутренней содержательности его жизни. Он только склонен несколько красиво выражаться, да отличается несколько комичным «деликатным обхождением». Еще одно важное качество Ивана Ивановича — он очень благочестив и большой ревнитель своего «долга христианина». Благочестие его проявляется в том, что каждое воскресенье, надев бекешу, он отправляется в церковь и даже подтягивает певчим.

«Впрочем, несмотря на некоторые несходства, как Иван Иванович, так и Иван Никифорович прекрасные люди».

Эти герои повести без сомнения одна из разновидностей байбаков, увальней и т. п. Но они, во всяком случае, не родились такими; уже жизнь довершила врожденные задатки и лишила их существование всякого содержания. Окружающая их обстановка вполне гармонирует с их жизнью. Все кругом также тихо, мирно и пусто. Никакое внешнее обстоятельство не врывается в их тусклую жизнь и не дает толчка к деятельности. Тем не менее, этим толчком могут служить личные мотивы. Материально они обеспечены, а идеальные мотивы поступков им совершенно неизвестны. Но как-никак, у них в жилах течет кровь и, несмотря на всю дряблость натур, известная доля энергии и у них имеется. Эта энергия, совершенно не имея исхода в повседневной жизни, ищет какого-нибудь приложения. На этой почве и создается бессмысленная сварливость и страсть к сутяжничеству. Этот выход, куда направилась их энергия, по своей пошлости вполне соответствует ее носителю. Достаточно неосторожного слова («гусак») со стороны соседа, и вражда возгорелась не на живот, а на смерть; проходят десятки лет, а тяжба все еще занимает их и наполняет всю их жизнь.

В этой повести имеем и некоторые прототипы «Ревизора», именно, там, где Гоголь выводит на сцену администрацию Миргорода. Здесь уже проскальзывает сатира на чиновничество и на тогдашние административные порядки.

А. Новиков

В этой повести уже нет тех смягчающих и примиряющих элементов, которые встречаются в «Старосветских помещиках». «Это, — говорит Белинский, — мир случайностей, неразумности; это отрицание жизни, пошлая, грязная действительность».

Автор изображает двух закадычных приятелей, дружбу которых весь Миргород ставил в образец. Приятели гуляли вместе, оказывали друг другу взаимные услуги, словом, жили, как говорится, душа в душу, чуть в глаза не глядели один другому. И вдруг два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою. Поссорились не из-за какой-нибудь важной причины, а из-за глупого слова, каким один обозвал другого. Слово «гусак» превратило приятелей в заклятых врагов. Все пошло к черту: приятели не только раззнакомились, но даже стали делать друг другу всякие неприятности. Этим дело не ограничилось: Иван Иванович и Иван Никифорович подали в уездный суд жалобу один на другого, обвиняя каждый своего бывшего друга, а теперешнего врага в небывалых преступлениях. Никакие попытки других знаменитых обывателей города не могли прекратить этой ссоры. Попытка, сделанная на обеде у городничего, имела самые печальные последствия. Приятелей не только не помирили, но даже расстроили и

поссорили еще больше. Возвратясь с обеда домой, Иван Иванович и Иван Никифорович открыли заветные сундуки с дедовскими «карбованцами», чтобы «подмазать» судебные власти и выиграть процесс. Постепенно оба забыли думать о чем-нибудь другом, кроме своей тяжести. Мечтать об уничтожении врага стало для каждого из них потребностью духа и превратилось в цель всей жизни. Прошло лет пять, но отношения нисколько не изменились. При встрече с автором каждый из прежних приятелей спешил обрадовать его новостью, что дело решится завтра непременно в пользу говорившего.

Разве не заслуживает удивления и самого болезненного содрогания то, что два приятеля, два «лучших человека в городе» поспорились навсегда из-за самой глупой, ничтожной причины, и своей ссорой наполнили всю жизнь. Полное отсутствие каких-либо других интересов в жизни было причиной этому. Надо ведь было чем-нибудь наполнить жизнь, и вот такого повода, как слово «гусак», было вполне достаточно для этого. Раньше, до ссоры, жизнь их наполнялась бесконечным количеством различных мелочей и пустяков, никому положительно не нужных. Иван Иванович, например, находил удовлетворение в том, что, съев после обеда дыню, собирал и завертывал в бумажку семена и делал надпись: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «участвовал такой-то». Такими мелочами наполнялась и вся жизнь приятелей до ссоры; сами они состояли целиком из мелочей, мелочь же должна была и быть причиной ссоры, а последняя лежала в их характере, как неизбежная необходимость. Автор проявил в этой ссоре и ее причине необыкновенное художественное чутье. Было бы неестественно, если бы друзья рассорились по какой-нибудь уважительной причине; Гоголь это понимал, он и ввел в ссору друзей «гусака». Это одно слово характернее целых страниц и глав. Ни одного слабого места, ни одной лишней строчки нет в повести. Все направлено к одной цели: изобразить все ничтожество, всю безысходность серенькой жизни, лишенной всяких умственных интересов. Автору удалось сделать это вполне. Картина с изображением двух нищих духом, встает перед глазами читателя во всей полноте и яркости. Впечатление усаливается еще и тем, что полотно картины захватывает не только двух названных героев, но и всех жителей Миргорода и их жизнь. Длинной вереницей проходят перед читателем городничий, судья, подсудок, бурая свинья, баба с подвязанной юбкой, гуси, дама в красном платье и тому подобное, из чего и складывалась вся жизнь в городе. Обед у городничего, решение гостей примирить Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, отправление послов, прибытие их, наконец, сами блюда за столом и то, как гости кушали, причем обнаруживался характер каждого, — все это нарисовано автором с неподражаемым искусством. Все

правдиво и естественно и тем сильнейшую грусть навеивает эта повесть; каким-то безысходным отчаянием веет от нее. Становится грустно и тяжело при мысли, что такую же жизнь ведут не только Иван Иванович и Иван Никифорович, но и много, много людей...

«Скучно на этом свете, господа!»

Б. Майков

Если в «Старосветских помещиках» Гоголь в какой-то степени смягчил краски в изображении пошлости пошлых людей, наделив своих героев человеческими качествами, то в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь беспощаден в своей сатире. Жизнь, изображенная в повести — это, по словам Белинского, «мир случайностей, неразумности; это отрицание жизни, пошлая, грязная действительность». Обитатели «чудного» города Миргорода, Иван Иванович и Иван Никифорович — существа совершенно пустые, ничтожные и притом нравственно гадкие и отвратительные, ибо в них нет ничего человеческого. Ни одно человеческое чувство не оживляет этих самодовольных пошляков — «небокопителей». В их жизни трудно найти какое-либо разумное начало. Смысл ее — величайшая бессмыслица.

Иронический тон, в котором ведется повествование о достопримечательностях Миргорода и его обитателей, как нельзя более удачно использован Гоголем для разоблачения всего ужасающего безобразия всепоглощающей пошлости низменного существования людей. «Прекрасный человек Иван Иванович!» — восклицает, например, Гоголь и далее идет подробное перечисление его «чудесных» качеств: «Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: сия дыня съедена такого-то числа. Если при этом был какой-нибудь гость, то: участвовал такой-то...» «Очень хороший также человек Иван Никифорович... Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе» и т. д. и т. п.

Поражающая своим абсурдом ссора двух идиотов, в которой приняли участие все «почтенные» обитатели Миргорода, еще более углубляет тяжелое впечатление о безотрадной жизни крепостнической России, один из уголков которой решил показать писатель. Это сплошное гнилое болото.

Сама картина города Миргорода, того лона, на котором блажен-

ствуют существователи, весьма знаменательна. В самом центре «чуждого» города находится «удивительная лужа», в зеркале которой отражаются лучшие строения города. «Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Домы и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее».

В луже прохлаждаются в летний зной свиньи, которые, между прочим, имеют привычку заходить в такие «лучшие дома», как поветовый суд, по той причине, что просители, как правило, приходят в суд с мешками, наполненными «курами, яйцами, краяхами хлеба, пирогами, книшками и прочим дрязгом». Бурая Хавронья, наведавшаяся однажды в суд, чтобы полакомиться пирогом или хлебной коркой, унесла к удивлению присутствующих прошение Ивана Никифоровича.

По силе обличения эта повесть — одно из ярких произведений Гоголя. В ней сатирический талант писателя уже вырисовывался в полной силе. Еще Пушкин заметил, что ни у одного писателя до Гоголя «не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертать в такой силе пошлость пошлого человека».

Эта сила гоголевской сатиры продиктована горячим протестом писателя против уродливых форм жизни, калечащих человека. Вся внутренняя логика повестей «Миргорода» и особенно «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» доказывает, до какого гнусного состояния может прийти человек в условиях паразитического образа жизни.

И конец повести, рисующий мрачную серую картину и еще более мрачные чувства автора, весьма знаменателен для понимания идейного содержания не только «Соры», но и всего цикла «Миргорода»: «Я вздохнул еще глубже и поскорее поспешил проститься, потому что я ехал по весьма важному делу, и сел в кибитку. Тощие лошади, известные в Миргороде под именем курьерских, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися в серую массу грязи, неприятный для слуха звук. Дождь лил ливнем на жида, сидевшего на козлах и накрывшегося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо. — Скучно на этом свете, господа!».

Последние слова звучат как приговор социально-политическому строю России.

Резкий тон критики, направленной против пошлости представлений господствующего класса в «Ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», вызвал настороженное отношение цензуры. В 1834 году, когда Гоголь отдал эту повесть для напечатания в альманахе «Новоселье», цензура потребовала выбросить некоторые предосудительные места. К сожалению, рукопись повести до нас не дошла, и не возможно точно установить, что было исключено из нее.

М. Мальцев

«ТАРАС БУЛЬБА»

Вступление

Повесть «Тарас Бульба» появилась одновременно со всеми произведениями, вышедшими под общим заглавием «Миргород» в 1835 году, но перерабатывалась автором вплоть до 1842 года. Позднейшая редакция этой повести отличается от первоначальной только более выпуклой обрисовкой Бульбы, как борца за самостоятельность Малороссии. Ко времени появления «Тараса Бульбы» в печати Н.В.Гоголь усердно занимался изучением истории Малороссии не только по научным трудам, но и по народным песням, дававшим ему материал для обрисовки избранной им исторической эпохи.

В. Карасев

«Тарас Бульба» представляет собою большую историческую повесть, явившуюся плодом занятий Гоголя историей Малороссии. В этот период Гоголь усердно занимался изучением всеобщей истории, а в частности всем, что относилось к прошлой жизни родной Малороссии и козачества. Он прилежно читал исторические сочинения и записки современников, собирал и записывал народные песни, «думы» и даже различные предметы, которые относились к седой старине Украины. Увлекаясь этой подготовительной работой к созданию истории Малороссии, так как Гоголь первоначально имел в виду этот труд, он даже напечатал в газетах объявление и в нем обращался с просьбой присылать ему всевозможные материалы, относящиеся к историческому прошлому Малороссии: документы, записки, грамоты, частные письма и т. п. В результате его занятий получился, однако, не научный труд, а художественное произведение. Исторические факты и лица приняли в душе Гоголя своеобразные формы и вылились в чудных художественных образах и описаниях, составивших вместе одно целое и вполне законченное произведение — повесть «Тарас Бульба». Она состоит из двенадцати глав и захватывает собой один момент из исторического прошлого Малороссии, когда она вела упорную и продолжительную борьбу с Польшей

за веру отцов и свободу родного края. Повесть захватывает только один этот момент, но он так правдив, действующие лица так типичны, что рисуется вся эпоха борьбы Малороссии с Польшей, т. е. большой промежуток времени с XV века до половины XVIII. К тому же в повести задеты и другие стороны прошлого Украины; обрисован быт запорожцев, устройство сечи, занятия мирных козаков, отношения к крымским татарам и Турции, даже природа Украины. Все это и рисует картину всей прошлой жизни Малороссии. Обрисованы также слегка польские войска, их организация, город Варшава с ее обитателями — поляками и евреями.

Все сцены, где Гоголь рисует типы запорожцев и их быт, проникнуты теплым сочувствием и даже любовью автора к изображаемому. Спокойный ровный тон повествования, переходящий местами даже в торжественный, производит особенно сильное впечатление, невольно заставляя читателя проникнуться сочувствием к козакам и враждебностью к полякам.

Б. Майков

Повесть «Тарас Бульба» была начата в 1831—1832 гг., закончена в 1833 г. и напечатана в сборнике в 1835 г. Работа над «Тарасом Бульбой» совпала с увлечением Гоголя историей, и повесть была единственным ценным плодом его изучения истории Малороссии. Затем повесть была переработана и в новой редакции появилась в 1842 г., во втором томе «Сочинений Николая Гоголя». Эта повесть потребовала от Гоголя значительных трудов. Он изучал быт казачества по многим источникам, и воспроизведение его вышло у Гоголя очень верно, часто до мельчайших подробностей. Это были своего рода археологические раскопки, где по отдельным разрозненным данным восстанавливается целая картина эпохи. К такого рода картинам принадлежат описания светлицы Бульбы, сечи, казни запорожцев.

А. Новиков

Над повестью «Тарас Бульба» Гоголь работал около 10 лет. Первая редакция повести, вошедшая в сборник «Миргород» 1835 г., вскоре не удовлетворила писателя и он настойчиво принялся за переработку ее. Только в 1842 году окончательно была закончена работа над этим замечательным произведением. Редакция 1842 года значительно отличается от «миргородской» как по стилю, так и в идейном смысле, не говоря уже о том, что текст повести был почти вдвое расширен.

Следует отметить, что работа над второй редакцией «Тараса Бульбы» совпала по времени с работой над «Мертвыми душами». Оба произведения были любимыми детищами писателя. В них он вкладывал

всю свою душу — и горькие раздумья о современной ему «гнусной расейской действительности», получившие замечательное воплощение в беспощадном разоблачении правящего сословия России — дворянства в «Мертвых душах», и думы о прекрасных национально-героических чертах русского народа, нашедшие выражение в утверждающем пафосе героической эпопеи «Тарас Бульба».

В.Г. Белинский оценил повесть «Тарас Бульба», как величайшую эпопею героической борьбы народа за свою свободу и национальную независимость.

Интерес к истории Украины у Гоголя проявляется значительно раньше начала работы над «Тарасом Бульбой» и не ослабевает на протяжении всего его творчества.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь задался целью изобразить один из интереснейших драматических моментов истории Украины — борьбу украинского народа против посягательств на его свободу со стороны шляхетской Польши на рубеже XVI и XVII столетий.

М. Мальцев

Мечта о сильном и ярком человеке, присущая всей романтической эпохе, образы народных героев песенно-эпической украинской поэзии, близкой сердцу Гоголя, тосковавшего о «высоком назначении человека», среди ничтожества копошившихся вокруг «существователей», объясняют ту творческую страсть и лирическую силу, которые вложил Гоголь в одно из любимейших своих произведений — в повесть «Тарас Бульба».

«Дивная эпопея, написанная кистью смелой и широкою... резкий очерк героической жизни младенствующего народа... огромная картина в тесных рамках, достойная

Гомера» — так восторженно отозвался Белинский о «Тарасе Бульбе». Художественная правда, воскрешающая старину, дана Гоголем в большом разнообразии типов, событий, описаний массовых движений, интимных переживаний, героического и комического, жестокого и трогательного. Вся повесть проникнута пафосом любви к отчизне и борьбы за нее. «Чертовы ляхи» сжигают живьем старого Тараса, но — «разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Комическая сцена встречи Бульбы с сыновьями, которые, окончив киевскую бурсу, приехали домой; горе матери, не успевшей наглядеться на своих сыновей; отъезд на Сечь; картины разгульного быта запорожцев; поход на Польшу; осада Дубно; измена Андрия, зачарованного польской красавицей-панной, и его смерть от руки отца как справедливое возмездие за измену родине; бои с ляхами; великая тоска Бульбы по

Остапе, захваченном в плен; потрясающая сцена казни Остапа в Варшаве; война с Польшей и «поминки» по героически погибшем Остапе и, наконец, смерть Тараса, сожженного на берегу Днестра, — все это льется широким эпическим потоком, звучит высоким ладом народных преданий, гулом казацкой славы сурового «полудикого» века. Гоголь отдал в «Тарасе Бульбе» свою восторженную дань героическому прошлому Украины, противопоставил героике былого «ничтожности», «безмолвию мертвому», «страшной, потрясающей тине мелочей» настоящего.

В. Стражев

Повесть «Тарас Бульба» составляет часть сборника рассказов, изданного Гоголем в 1835 году под названием «Миргород». Гоголь глубоко интересовался не только легендами и преданиями своей родины Малороссии, но и ее историческими судьбами. В письмах к родным и знакомым он просил присылать ему различные исторические сведения о Малороссии, описание нравов, обычаев, костюмов и т. п. «Принося чувствительнейшую благодарность, — пишет он к матери, — за ваши драгоценные известия о малороссиянах, прошу вас убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами. В тиши уединения готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пущу в свет; я не люблю спешить, а тем более заниматься поверхностно». Занятый мыслью написать подробную историю Малороссии, Гоголь весьма усердно изучал материалы, относящиеся к этому предмету.

Эпоха борьбы казачества с поляками, полная трагических сцен и славных подвигов ее героев, особенно сильно повлияла на фантазию поэта, и вместо исторического труда, о котором мечтал Гоголь, явилась повесть «Тарас Бульба» — одно из лучших созданий его творчества. При создании повести Гоголь пользовался такими источниками, как «Описание Украины» Боплана, «История Руссов» Конисского, «История о казаках запорожских» Мышецкого и др. Но самым богатым и благодарным материалом для изображения быта и подвигов запорожских казаков послужили Гоголю малороссийские народные песни, которым он сам отводил первое место между всеми другими источниками истории эпохи, изображенной в «Тарасе Бульбе». «Малороссийские народные песни, — говорит Гоголь в одной своей статье, — это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа... Они надгробный памятник былого, более, нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошед-

шем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной религии; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии».

Такое важное историческое значение придавал Гоголь народным малороссийским песням. Влияние их на повесть «Тарас Бульба» заметно во многих ее местах: широкая воля казацкой жизни, разгульные пиршества казаков, их пренебрежение к опасностям битв, жалкое положение женщины среди этих рыцарей степей — все эти мотивы, входящие в содержание народных южнорусских песен, являются и в повести, конечно, уже в более обработанном виде.

Еще до создания повести «Тарас Бульба» у Гоголя были попытки написать сочинение из прошлой жизни Малороссии. Исторический элемент проглядывает иногда и в некоторых рассказах «Вечеров на хуторе»: так, в повести «Ночь перед Рождеством» дается описание двора Императрицы Екатерины II, причем, кроме государыни, изображаются Потемкин и Фонвизин. Повесть «Вий» также может быть названа исторической: в ней хотя и нет крупных исторических событий, но зато она подробно рисует картину нравов XVII века со всеми его суевериями, изображает жизнь киевских бурсаков, с их кулачными боями, мистериями и кантами, а также жизнь богатого пана сотника. Рассказ «Страшная месть» весь построен на историческом факте борьбы казаков с ляхами и имеет много сходного с повестью «Тарас Бульба». Казацкая удаля и бесстрашие, трогательная любовь к отчизне до самопожертвования, непримиримая ненависть к католикам, наконец, высокое чувство товарищества — все эти мотивы одинаковы как в «Страшной мести», так и в «Тарасе Бульбе». Изображение Бульбы, когда он направляет удары сабли на неприятельское войско, сходно с изображением пана Данилы, героя «Страшной мести»; описание смерти пана Данилы послужило образцом для целого ряда подобных описаний в «Тарасе Бульбе». Все указанные повести Гоголя были, таким образом, как бы предварительными этюдами к созданию повести «Тарас Бульба».

С. Бураковский

Заключение

Сборник рассказов Н.В. Гоголя «Миргород» был принят критикой весьма благосклонно.

В Москве 1835 г. В. Г. Белинский заметил по поводу новых рассказов Гоголя, что они принадлежат к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе и вполне заслуживают тех похвал, которыми осыпает их восхищенная публика.

В «Московском Наблюдателе» в том же году С. Шевырев, разбирая «Миргород», писал, что «Тарас Бульба» выше всего. Этот дивный тип запорожца написан широкими и крупными чертами. Это есть одно из тех созданий, которые отмечены печатью народности и глубоко врезаются на воображении читателя. Яркая картина Запорожья свежа, нова, исполнена какого-то удалого разгулья козачьего. Эти широкие степи Малороссии с ее чудною растительностью поглощают наше воображение».

Тот же Белинский, оценивая повесть Гоголя, признает в «Тарасе Бульбе» достоинства «великой эпохи жизни целого народа».

«Тарас Бульба» и в наши дни является произведением, которое может доставить глубокое наслаждение. В первом периоде творчества Гоголя это самое яркое и мощное его произведение. Поразительное богатство красок рассыпано в описаниях днепровских степей, где обитала Сечь; в широкой и живой картине схвачено Запорожье и обитате-

ли Сечи; полны движения и силы сцены битв, а страницы любви Андрия очаровательны по своей тонкости и изяществу. В общем — это один из несомненных перлов нашей художественной литературы.

В. Карасев

Повести «Миргород» совсем не случайно объединены в одном цикле. Их нужно рассматривать в единстве, несмотря на видимую разнородность их. Так, например, в повестях «Тарас Бульба» и «Ссоре двух Иванов» автор, кажется, говорит о совершенно различных вещах. В первой нарисована эпическая картина героического прошлого народа с его замечательно красивыми, полноценными людьми — героями, во второй — ужасающая своей пошлостью картина современной писателю помещичье-крепостнической жизни, в которой человек потерял свои подлинно человеческие качества и превратился в «небокоптителя». При этом повести совсем различны по стилю: в «Тарасе Бульбе» везде виден романтический взлет писателя, уходящего от реальности в мир мечты; в «Старосветских помещиках» и «Ссоре» нет нигде даже попытки оторваться от реальной жизни, — повести реалистичны от начала до конца.

Такое соединение разнородных произведений в один цикл кажется противоречивым лишь на первый взгляд. В сущности же здесь присутствует единство отрицающего и утверждающего начала в гоголевском стиле критического реализма. Это единство состоит в основной идее всех произведений цикла, заключающейся в протесте писателя против всепоглощающей пошлости современной ему действительности, в призыве бороться за разумное, здоровое общественное бытие человека. В ссоре двух Иванов эта идея проводится через пафос отрицания, беспощадного разоблачения уродливой бессмысленной жизни существующих, в «Тарасе Бульбе» — через пафос утверждения разумного бытия людей, представленного в идеальной картине героического прошлого народа. Методом противопоставления, точнее, сопоставления писатель добивается большой убедительности своей мысли, проходящей через все повести «Миргорода».

М. Мальцев

Если «Вечера» насыщены забавной песенно-сказочной стариной, «чудасией», теми страшными «диковинами», какие рассказываются на деревенских «вечерницах», и звенят молодым смехом, то иное описывается в «Миргороде», хотя под заглавием и стоит подзаголовок: «Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Сказочно-диковинная старина сменилась исторической былью «Тараса Бульбы», фантастика народного предания в рассказе «Вий» спле-

талась с реалистическим описанием старой бурсы. Быт и люди украинского захолустья, разрозненно мелькающие на страницах «Вечеров», в законченной полноте образов рисовались в «Старосветских помещиках» и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». И уже не лицо рассказчика, а лицо самого Гоголя выступает в «Миргороде» в авторском «я».

На просторе «зелено-золотого океана» южных степей, на Черном море, «изъезженном двухрульными казацкими челнами», гуляла под «музыку пуль и мечей» боевая разгульная удаль героических предков. Потомки жили в «чудном городе Миргороде», украшением которого была лужа. «Удивительная лужа... Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее».

«Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его... все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты» — таков Андрий, воображаемый образ прошлого. «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх» — таковы по наружности современные обыватели Миргорода, высмотренные Гоголем в жизни.

Предки были «хожалые, езжалые» бойцы за отчизну, которые хотели «опочить доброю козацкою смертью» на войне. Потомки — Иван Иванович и Иван Никифорович — домоседствуют в своих домишках. Иван Иванович кушает «любимое кушанье» — дыню, собирает ее семена в особую бумажку и делает на бумажке надпись: «Сия дыня съедена такого-то числа», а если при этом был гость, то добавляет «участвовал такой-то». Иван Никифорович «чрезвычайно любит купаться, и когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе». А поссорившись из-за «гусака», оба приятеля, «лучшие» люди, «честь и украшение Миргорода», глупо враждуют и ведут нескончаемую многолетнюю тяжбу. Гоголь кончает повесть «вздохом», грустной картиной грязной, туманной, дождливой осени и словами: «Скучно на этом свете, господа!»

Скучно в Миргороде, где живут мелкие и пошлые обыватели; грустно в дряхлом живописном домике, где доживают свой век Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, «старички прошедшего века», и где автор любит бывать, потому что любит скромную жизнь владельцев «скромных уголков», живущих «низменной буколической жизнью» — ясной, спокойной, радушной, бесхитростной, таящей в себе «неизъяснимую прелесть». Сюда хочется ему «иногда... сойти на минуту».

Любовно и ласково описывает Гоголь двух старосветских помещиков, незатейливое убранство их маленьких, низеньких комнат; их домаш-

нее хозяйство (соленье, сушение, варение), приспособленное к одной главной цели: «очень любили покушать»; их радушное гостеприимство, наивные разговоры о политике, шутки Афанасия Ивановича и, наконец, их смерть и запустение их хутора, когда он перешел по наследству к дальнему родственнику, «страшному реформатору». Гоголь не скрывает своей искренней симпатии к этой патриархально-идиллической жизни простых, добрых, наивно-доверчивых (обкрадывали их «немилосердным образом») людей, противопоставляя своим старичкам «тех низких малороссиян, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают, наконец, капитал...» И здесь уже приоткрывается лицо того «приобретателя», которого позднее будет бичевать Гоголь.

В. Стражев

Сборник «Миргород» вышел в свет в 1835 году. В нем уже нет того ровного, светлого настроения, которым от начала до конца проникнуты «Вечера на хуторе» (исключая отчасти «Страшную месть»). Здесь уже нет прежней заразительной юношеской веселости, а, наоборот, слишком часто слышатся довольно трагические ноты. Например, в «Старосветских помещиках»: «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна еще до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустевшее жилище, и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, и ничего более... Грустно, мне заранее грустно!»

Такая же тоска слышится в заключительных строках этой же повести и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Тощие лошади, известные в Миргороде под именем курьерских, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися в серую массу грязи, неприятный для слуха звук. Дождь лил ливнем на жида, сидевшего на козлах и накрывшегося рогожкой. Сырость проняла меня насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо... Скучно на этом свете, господа!»

В «Вечерах» в описаниях природы выражается или восторг, или упительная нега, но нигде нет того сумрачного настроения, которое наводится иногда непогодой; там изображаются исключительно или яркие, солнечные дни (в начале «Сорочинской ярмарки»), или ясный вечер, или же обаятельная ночь. Метель в «Ночи перед Рождеством» и буря на Днеп-

ре в «Страшной мести» представлены преимущественно с художественной и картинной стороны. Напротив, в «Миргороде» такие страницы, как описание степи в «Тарасе Бульбе» или усадьбы сотника в «Вии», возбуждающие отрадное и восторженное чувство, становятся редкими. В некоторых местах даже солнечный свет является не ослабляющим, а усиливающим грусть; например, при описании похорон Пульхерии Ивановны: «Священники были в полном облачении, солнце светило, грудные младенцы плакали на руках матерей, жаворонки пели, дети в рубашонках бегали и резвились по дороге». Вспоминая о страхе, который наводили на него таинственные голоса, слышанные им в детстве, Гоголь также говорит, что «день обыкновенно в это время был ясный и солнечный; тишина была мертвая», но такому дню он охотно предпочел бы в подобные минуты ужаса ночь «самую бешеную и бурную». В «Тарасе Бульбе» уже встречается изображение серого дня («день был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад»).

Начинаясь сценами незначительными и забавными, каждая из повестей в «Миргороде» становится, по мере рассказа, все более трагической. Особенно чувствуется это в «Тарасе Бульбе», где беззаботный смех, возбуждаемый началом первой главы, к концу ее постепенно переходит в тяжелую, сосредоточенную грусть, и это чувство потом постоянно возрастает, уступая лишь по временам место поэтическому восторгу при таких описаниях, как степи и устройства Запорожской Сечи; тон изложения становится все более возвышенным и удаленным от того обыденного, которым начинается повесть, и, наконец, доходит до захватывающего трагического пафоса в сцене между прекрасной полячкой и Андрием, в описании осады Дубна, батальных сцен с участием козаков.

В. Шенрок